

Двойной
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Т О л ь г а АРАСЕВИЧ

ПОДАРОК
МЭРИЛИН МОНРО

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
АРОМАТ №5

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т 19

Оформление серии *Д. Сазонова*

Оформление обложки *Ю. Щербакова*

Тарасевич О. И.

Т 19 Подарок Мэрилин Монро ; Смертельный аромат №5 : романы / Ольга Тарасевич. — М. : Эксмо, 2014. — 608 с. — (Двойной артефакт-детектив).

ISBN 978-5-699-72015-6

«Подарок Мэрилин Монро»

До сих пор любая вещь Мэрилин Монро продается на аукционе за миллионы долларов. И вот обнаружены записи бесед актрисы с психоаналитиком. Эти пленки смогут раскрыть тайну смерти актрисы... Писательница Лика Вронская отправляется в Лос-Анджелес, полагая, будто ее ждет рай: отдых в доме подруги, свадебная вечеринка. Однако на самом деле гостя и сами хозяйки оказываются в аду. Ведь в доме, который купили молодожены, спрятаны роковые пленки шокирующих признаний Мэрилин Монро...

«Смертельный аромат №5»

У них было все — молодость, шарм и заветные 90-60-90. Но девочек из модельного агентства ждала трагическая судьба. Одна за другой они умирали в полушаге от славы, за пять минут до кастинга в знаменитую империю моды. Писательница Лика Вронская, хозяйка модельного агентства Ирина Суханова, следователи пытаются выйти на след неуловимого убийцы. И никто не знает, что эта запутанная история началась давным-давно, когда великая Габриэль Шанель придумала маленькое черное платье и весь мир сошел с ума от аромата ее именных духов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-72015-6

© Тарасевич О.И., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ПОДАРОК МЭРИЛИН МОНРО

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Екатерине и Феррелу Грей, моим друзьям, которые очень помогли мне в работе над этой книгой

Пролог

За три месяца до описываемых событий

— д, ты опять? Но почему? Почему я опять вижу эту пустую бутылку из-под виски?! — воскликнула Молли, картинно заламывая руки.

Она вообще все делала очень артистично — возмущалась, радовалась, лукаво поглядывала из-под светлой челки.

«Работа стриптизерши в казино Лас-Вегаса, что ни говори, накладывает отпечаток и на внешность, и на поведение», — подумал Эдвард Томпсон. С трудом разлепив глаза, он потягивался на постели и наблюдал за своей подружкой, ловко избавлявшей гостиную от следов вчерашней попойки.

Нет, определенно, Молли — неплохая девчонка.

У нее пухлые губы и стройные ножки, а еще натуральная, не силиконовая грудь третьего размера.

Эту девочку он заметил сразу по приезде в Лас-Вегас. Симпатичная, сговорчивая, глупенькая, доступная — стриптизерша явно обещала быструю, легкую радость.

Однако уже через пару недель все изменилось. Молли то устраивала сцены ревности, то пыталась ограничить выпивку.

8 *Все симптомы влюбленной женщины налицо.*

Что ж, малышку можно понять. Девочки всегда говорят: Эдвард Томпсон — о-го-го какой парень, отлично выглядит и в постели хорош. С таким не заску-чаешь. Вот и Молли попалась. А раз так, надо поскорее отчаливать от этой куколки. Сегодня она ворчит: «Эд, почему ты опять выпил бутылку виски?» А завтра скажет: «Давай станем жить вместе, купим дом». Молли думает — перед ней просто молодой симпатичный свободный мужчина. Она даже не предполагает: все не так просто, все далеко не так просто, как кажется...

— Эд, знаешь, я вот подумала... Может, ты согласишься познакомиться с моей мамой? Отец с нами не живет, он бросил нас, когда я была совсем крошкой. А с мамой мы очень близки. — Молли присела на краешек постели, задрала футболку Эдварда и принялась покрывать плоский подкачанный живот дразнящими поцелуями. — Эдди, ну пожалуйста... Ты так много значишь для меня. Ты ведь любишь свою крошку Молли?

— Не знаю, люблю ли я тебя. Но, по крайней мере, когда все парни таращатся на твою задницу, мне чертовски приятно. Потому что они только облизываются на красивую попку и роскошную грудь. А я могу иметь тебя так часто, как только захочу, — простонал Эд, запуская руки в белокурые волосы девушки.

«Мне приятно, — продолжил он мысленно, — но не настолько, чтобы ради этой задницы и сисек бросить все и стать, как все, жить, как все... Ты — милая девочка, правда. Но я сдохну в нашем общем доме от тоски на вторую неделю после его покупки. Мне всегда казалось — я особенный, и у меня должна быть особенная работа и очень интересная жизнь. Не могу сказать, что убирать лидеров оппозиционной афганской партии было очень уж интересно. Да и после того, как мне подкинули работенку в Ираке, я, честно говоря, пару раз чуть не наложил в штаны, так припекало. Но в общем и целом такая жизнь мне по нраву. Никогда не знаешь,

что произойдет завтра. Конечно, вряд ли я умру от старости, скорее всего, какой-нибудь говнюк из тех, кого я обычно выкашиваю, просто окажется шустрее меня и прострелит мне череп. Но, по крайней мере, я умру не от скуки. Чего-чего, а вот этого добра в нашем спецотделе просто не имеется...»

— Крошка, ты была великолепна, — простонал Эдди после того, как Молли продемонстрировала, насколько мастерски она умеет владеть своими пухлыми губками.

— Так я могу сказать маме, что на этот уик-энд мы приедем к ней пообедать? — как бы между прочим поинтересовалась девушка, однако напряженная морщинка на ее гладком лобике выдавала тревогу. — Эдди, это тебя ни к чему не обязывает, просто визит вежливости...

— Конечно, моя куколка. Ты можешь пообещать маме, что мы приедем на обед. Я с удовольствием с ней познакомясь. Надеюсь, она хорошо готовит картофель фри? Ты же знаешь, твой дикарь его обожает!

Эдвард успокаивал Молли, прикидывал, а не затащить ли девушку еще разик в постель, — и при этом одновременно решал, как бы половчее сбежать от этой куколки-стриптизерши.

По всему выходило, что рвать когти надо сегодня.

Потому что через пару часов девчонка отчалит в казино вертеть возле шеста своей аппетитной попкой.

А завтра у нее выходной, а послезавтра уже суббота, и, конечно, ни к какой маме ехать не хочется, бессмысленно.

Но если сказать обо всем прямо — поднимется такой визг, что можно не сдержаться, врезать по симпатичной мордашке.

Нервы ведь ни к черту. Особенно после того, как афганские моджахеды захватили в плен и чуть не отстрелили кое-что, важное для любого парня...

Но все-таки бить любовниц — это не дело. Был печальный случай, сдержаться не получилось. А потом

10 *настроение — хуже не бывает, как у последнего лузера. Все-таки, как ни крути, агент американской спецслужбы должен уметь себя контролировать. Иначе какой он агент — так, обыкновенный сукин сын...*

Поэтому надо просто не допускать объяснений, прощаний и всего такого. Следует дожидаться, пока Молли уедет, бросить в сумку свои майки и джинсы, спуститься на паркинг, к просторному мощному джипу...

«Сначала сдам взятую напрокат машину. Потом возьму билет... А хотя бы и в Нью-Йорк, — думал Эдвард, наблюдая за тем, как Молли у туалетного столика с большим зеркалом накладывает макияж. После того как ей в гримерке казино подсыпали в пудру толченого стекла, девушка предпочитала краситься дома. — Сколько можно играть здесь в рулетку, надоело. Нет, в общем и целом, Вегас неплох. Тут всегда солнечно, жизнь кипит двадцать четыре часа в сутки. Но от развлечений тоже устаешь. Да еще и проблемы с Молли. Нет, решено — валю в Нью-Йорк. Поброжу по Манхэттену, сниму пару отличных шлюх...»

Однако этим планам не было суждено реализоваться.

Когда в квартирке Молли о присутствии Эдварда напоминала лишь коротенькая записка, а сам Томпсон, усевшись за руль, собирался завести двигатель, за его спиной вдруг раздалось:

— Допрыгался, чертов мудака...

Прижатый к затылку пистолет красноречиво свидетельствовал о том же самом: конец тебе, парень.

Рефлексы тренированного тела срабатывают раньше мозга.

Секунда — и оружие уже выбито, а Эдвард, перемахнув на заднее сиденье, впечатывает по челюсти... своему непосредственному начальнику...

— Извините, босс. Вы, как обычно, — Эдди нагнулся, поднял пистолет и вздохнул: из разбитой губы шефа сочится кровь, — неожиданны, непредсказуемы. Не по-

нимаю, вы что, не доверяете мне? Неужели нельзя просто позвонить и договориться о встрече? 11

— Можно. — Шеф подвигал челюстью, удовлетворенно кивнул: не сломана. — Но тогда я не буду знать, по-прежнему ли мой агент в хорошей форме.

— Когда-нибудь такая проверка плохо закончится. Я вас грохну!

— Малыш, все мы когда-нибудь плохо кончим. В финале любой жизни — полная задница.

Эдвард привычно гоготнул, делая вид, что в полном восторге от незамысловатого юмора босса.

Конечно, шуточки у него дурацкие и не смешные.

Да и само обращение «Малыш» к парню ростом больше шести футов¹, в то время, как у самого шефа едва наберется пять с половиной², тоже выглядит, мягко говоря, нелепо. Однако босс — это босс, конфликтовать с ним бессмысленно по ряду причин. В спецотделе на такие шалости смотрят строго. Агент, не умеющий выстроить ровные отношения с руководством, никогда не перейдет к кураторству сети. А ведь, что ни говори, не всю же жизнь подставлять свою задницу там, где припекает; зрелый возраст не за горами, и захочется более спокойного занятия. К тому же все-таки босс — мужик не вредный. Кажется, он пересмотрел боевиков, чувствует себя Брюсом Уиллисом и Сильвестром Сталлоне одновременно, имеет тягу к красивым жестам вроде внезапных появлений. Люди невысокого роста особенно стараются выделиться, обратить на себя внимание. Но в данном конкретном случае это в какой-то степени действительно бодрит...

— Что за работенку вы для меня приготовили? — поинтересовался Эдвард, чувствуя, как все его тело наполняется энергией радостного предвкушения. — Я болюсь без дела уже полгода. Надоело, хочу порезвиться!

¹ Больше 190 см.

² 165 см.

12 — Порезвиться? Это можно, если осторожно.

Только для начала тебе придется засунуть свои кулаки себе в зад и думать головой. Надеюсь, Малыш, ты умеешь это делать. На карту поставлено слишком много. Я бы даже сказал — это самое крутое твое задание. Ты должен отстоять честь Америки...

Эдвард слушал босса и едва сдерживался, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо.

Честь Америки! Интересы Соединенных Штатов!

За высокопарными словами скрывалась старая малоинтересная история...

— Искать Хуссейна было круче, — не удержался от замечания Эдди. — Все это настолько давнее дело... Мэрилин Монро, Джон Кеннеди — кого это сейчас волнует!

— Поверь, если ты не найдешь то, о чем я говорю, — последствия для Америки будут намного серьезнее, чем угроза Ирака. Наша великая демократия разрушится, как картонный домик. Мы диктуем правила миру. И мы должны быть безупречны, иначе нам никто не поверит. А если мы не можем быть безупречны, то мы должны, по крайней мере, выглядеть так, быть вне всяких подозрений!

— Я понял, шеф. Задание будет выполнено.

Босс удовлетворенно кивнул белобрысой, коротко остриженной головой:

— Я не сомневаюсь в тебе, Эдди. И помни: все очень, очень серьезно. В ходе выполнения этого задания ты можешь прибегать к любым средствам, вплоть до физического уничтожения. Также к твоим услугам, как и обычно, специальная аппаратура, неограниченный кредит. И самые смысленные из наших ребяташек. Задействуй все ресурсы по полной программе!..

Глава 1

1958 год, Нью-Йорк, Гарри Уильямс

Садовник Гарри Уильямс вытер рукавом синего комбинезона вспотевший лоб и неодобрительно покачал головой.

Ну и погодка!

Это просто черт знает что творится!

Еще нет и девяти часов, а солнце жарит, как сумасшедшее. В высоком синем небе ни облачка. Плотный и густой, словно желе, воздух, кажется, не вдыхается — глотается, обжигая легкие. Хочется почувствовать на мокром соленом лице хотя бы робкое прикосновение прохладного ветерка с Атлантики. Но ветра нет. Есть только раскаленные потоки солнечных лучей, обрушивающиеся на все живое стремительной неукротимой Ниагарой.

Да уж, такая жара явно не на пользу саду доктора Барбары Мэй. Зеленый аккуратно подстриженный газон начинает слегка желтеть. Кусты бордовых и белых роз, высаженные вдоль вымощенной булыжником дорожки, могут пожухнуть. А дивные голубые гортензии и розовые магнолии, посаженные по распоряжению

14 миссис Мэй вплотную к окнам кабинета (поэтому изнутри дома кажется, как будто бы с первыми лучами солнца ярко вспыхивает разноцветными гроздьями цветочный фейерверк), уже теперь печально наклонили головки. И это несмотря на долгий вечерний полив!

— Сейчас, сейчас, бедняжки, — пробормотал Гарри, торопливо разматывая черный толстый шланг. — Не дело это, конечно, по жаре вас поливать. Но разве есть выбор! До заката вы не протянете.

Прижав к ледяной струе палец, Гарри направил поток воды к корням растений и глубоко вздохнул.

С этим чертовым летом все не заладилось с самого начала! Сначала из лечебницы сбежал пациент и поломал кусты жасмина. Потом погода раскалилась, как пышущая жаром печь. Говорят, Нью-Йорк задыхается от жары, под колесами автомобилей плавится асфальт, и даже стекла лопаются, как мыльные пузыри. Впрочем, здесь, в пригороде, не легче. Сад доктора Мэй требует все больше усилий. Приходится заниматься растениями с утра до вечера. А разве есть результат?! Все вянет прямо на глазах!

«Мне даже стыдно встречаться с ребятами в баре, — размышлял Гарри, окатывая листву мелкой россыпью брызг. Капельки воды, поймав солнечные лучи, наполнялись бриллиантовым многоцветием, а над кустами уже появился яркий мостик радуги. — Зайдешь пропустить стаканчик, послушаешь, как поживают друзья. У Джонни на бензоколонке все о'кей; и плотник Джек доволен жизнью; про Зака, водителя, и говорить не приходится — когда дела не в порядке, новый грузовик не покупают. Потом ребята спрашивают: «А ты как поживаешь, старина Гарри?» И что мне отвечать? Гортензии опять посохли?»

Если бы у Гарри кто-нибудь поинтересовался, откуда у него появилась такая твердая уверенность в том, что свою работу надо делать хорошо в любой

ситуации, невзирая на любые обстоятельства, — 15
он вряд ли бы смог ответить на этот вопрос.

Может, перед его глазами возникло бы бледное изможденное лицо отца? Бруклинский рабочий, он всего себя отдавал заводу. «Запомните, дети: самое главное — это работа, — любил повторять отец за ужином, после короткой молитвы. — Когда у тебя есть работа — у тебя есть деньги. А если у тебя есть деньги — то у тебя есть все». Впрочем, отца, несмотря на его трудолюбие, вышвырнули с завода безо всяких церемоний, как уволили в тридцатые годы сотни тысяч американцев. Безработица оказалась ему не по плечу. Он все больше мрачнел, видя, как жена латает и перелатывает детскую одежонку, как из дома не выходят оценщики, описывающие мебель. Единственное его занятие в те нелегкие дни: лечь на постель, уткнуться невидящим взглядом в стену — и так пролежать весь день. «Папа уехал искать работу», — пряча глаза, врала мать после того, как все было кончено. Как будто бы соседи не рассказали всем братьям Уильямс, что отец удавился, едва только от дома отъехал школьный автобус. Мама была в это время в ванной, услышала, как из спальни донесся стук, бросилась на помощь — но было уже поздно...

Потом приезжал толстый коронер с дымящейся в уголке рта сигаретой, а мать все умоляла его покончить с вопросами до того, как дети вернутся из школы...

Мама, худенькая, бледная, всегда в аккуратной, хотя и старенькой одежде, работала с утра до ночи. Очень хотелось помочь ей, заработать хотя бы пару центов. И такие возможности имелись — продавать газеты после школы; прибираться в закусочной, когда за полночь оттуда, пошатываясь, выходят последние посетители. Если бы не те «детские» деньги, которые приносили в дом все братья Уильямс, — порой приходилось бы совсем туго. Времена тогда стояли лютые, безжалостные. «Сухой закон» давно отменили, однако на улицах все еще всюю орудовали гангстеры. И мамочку, только получившую